

Василий Молодяков

Шарль
Моррас
и «Action
française»
против
Третьего
Рейха

Василий Молодяков

Шарль
Моррас
и «Action
française»
против
Третьего
Рейха

Василий Молодяков

**ШАРЛЬ МОРРАС
И «ACTION FRANÇAISE»
ПРОТИВ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2021

УДК 94
ББК 63.3(4)
М754

Научный редактор *А. Н. Бурлаков*

Молодяков В. Э.

М754 Шарль Моррас и «Action française» против Третьего Рейха. — СПб. :
Нестор-История, 2021. — 342 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1781-5

Новая монография историка В. Э. Молодякова продолжает цикл работ о французском национализме первой половины XX века и является первым в отечественной историографии комплексным исследованием политической и пропагандистской деятельности монархического движения «Action française», направленной против Германии как «наследственного врага». Автор рассматривает идеи и действия непримиримых германофобов во главе с Шарлем Моррасом в контексте внутренней и внешней политики Франции и ее отношений с Германией в период от прихода Гитлера к власти до поражения летом 1940 г. Исследование основано на широком круге источников, практически неизвестных в России, включая материалы собрания автора.

УДК 94
ББК 63.3(4)

Автор обложки *М. А. Девлин*

Иллюстрации из собрания автора

ISBN 978-5-4469-1781-5

9 785446 917815

© В. Э. Молодяков, 2021

© Издательство «Нестор-История», 2021

Оглавление

Предисловие.....	5
<i>Глава первая. «Марсиане из романа Уэлса»:</i> «Action française» бьет тревогу, 1933–1934.....	15
<i>Глава вторая. «Долой воров!»:</i> «Action française» и политический кризис 6 февраля 1934 г.	51
<i>Глава третья. Кошмар альянсов:</i> «Action française» против Москвы и Берлина, 1935–1936.....	100
<i>Глава четвертая. Эпоха вождей:</i> «Action française», диктаторы и диктатуры.....	122
<i>Глава пятая. Против анархии и Гитлера:</i> «Action française» и гражданская война в Испании, 1936–1939... ..	170
<i>Глава шестая. Против Рейха и войны:</i> от аншлюса до Мюнхена, 1938.....	193
<i>Глава седьмая. Тревожный год: путь к войне, 1938–1939 .....</i>	217
<i>Глава восьмая. «La der des ders»:</i> от войны к поражению, 1939–1940	246
<i>Приложение. «Только Франция сейчас может и должна помочь Франко»:</i> несостоявшаяся миссия Шарля Морраса в Мадрид, осень 1939.....	280
Шарль Моррас и «Action française» в современной французской историографии	289
Послесловие.....	298
Список сокращений и библиография	300
Указатель имен.....	303

Империя Вильгельма II меньше отличалась от Французской республики, чем гитлеровский Третий Рейх. Тогда у двух стран еще имелись общие формы цивилизации.

Жак Бенвиль, 1933

Борьба с Германией в близком будущем неизбежна для Франции, и в громкую победу ее [Франции] трудно верить.

Константин Леонтьев, 1888

Предисловие

В политической и интеллектуальной истории Франции ХХ века монархическое движение «Action française» («Французское действие»; название обычно не переводится) и его вождь Шарль Моррас сыграли огромную роль¹, не осознанную до конца в силу того, какое кипение идейных, политических и человеческих страстей они вызывали и вызывают до сих пор.

Включение 150-летия Морраса в «Книгу национальных памятных дат» на 2018 год, составленную Верховным комитетом национальных памятных дат и одобренную министром культуры, вызвало в январе — феврале 2018 г. шумную кампанию «левой» прессы против его «реабилитации». Министр культуры Франсуаз Ниссен отменила собственное решение и распорядилась отозвать «Книгу» из обращения, чтобы изъять оттуда двухстраничную биографическую справку о Моррасе, написание которой поручили профессору Сорбонны Оливье Дару как ведущему специалисту по теме. Не подействовали ни разъяснения историков — членов комитета о том, что «вспоминать — не значит чествовать», ни заявление Дара, что Моррас «был важной и представительной фигурой французской истории» даже с учетом его «глубокого и неизменного» антисемитизма (неупоминание антисемитизма в «Книге» стало одним из главных

---

¹ Ввиду недостатка на русском языке качественных работ об «Action française» и, до недавнего времени, о Моррасе, отсылаю читателя к моей книге «Шарль Моррас и “Action française” против Германии: от кайзера до Гитлера» (М., 2020).

аргументов критики). 21 марта члены комитета в полном составе, кроме двух, подали в отставку, заявив в открытом письме министру: «Принятое вами решение исключить имя Шарля Морраса из длинного списка памятных дат, составленного нашим Верховным комитетом на 2018 г., — после того, как вы сами уже одобрили его хвалебным предисловием, — и остановить распространение “Книги национальных памятных дат” делает для нас невозможным, к нашему глубокому сожалению, дальнейшее пребывание в этом органе»².

В предисловии к книге «Шарль Моррас. Интегральный националист», вышедшей в феврале 2019 г., Дар заметил: «Очевидное неведение, которым он (Моррас — *В.М.*) окутан, сопоставимо только с неприятием, которое он вызывает», — поскольку, по его же словам, в сегодняшней Франции «этикетка моррасианца является преднамеренным оскорблением»³. Профессору приходится осторожно подбирать слова, чтобы не задеть лево-либеральный мейнстрим, поскольку речь идет именно о нем, а не о всей Франции. Нам важно другое: признание не только политической актуальности наследия Морраса (иначе о чем спорить и чему возмущаться), но и недостаточности знаний о нем даже на родине. Что же говорить о других странах...

Справедливо ли такое утверждение, коль скоро литература об «Action française» обширна и разнообразна. Не преуменьшая сделанного французскими учеными, особенно в нынешнем веке, отмечу, что идеи и деятельность Морраса и его сподвижников в сфере внешней политики изучены мало. За исключением глав в нескольких обобщающих работах (лучшая из которых, хотя и небезупречная, принадлежит перу американца Юджина Вебера), укажу сборники статей по итогам конференций «Между старой Европой и единственной Францией: Шарль Моррас, внешняя политика и национальная оборона» (2009) и «Шарль

---

² Olivier Dard. Charles Maurras. Le nationaliste intégral. Paris, 2019. P. 5–7.

³ Dard O. Charles Maurras. Le nationaliste intégral. P. 10.

Моррас и граница. Граница и Шарль Моррас» (2009), в основном посвященных восприятию и трактовке идей Морраса, в том числе за границей, а не анализу его внешнеполитических воззрений⁴.

Недостаточная изученность предмета особенно бросалась в глаза, когда речь заходила о Германии. Для вождей «Action française» она всегда оставалась «наследственным врагом» Франции, а значит, и всей западной цивилизации, поэтому борьба с «германизмом» была осью не только внешнеполитической, но и внутривнутриполитической деятельности движения. Однако слова «Моррас» и «Германия» не фигурировали в заглавии ни одной книги; слова «Моррас» и «германизм» — лишь в заглавии весьма поверхностного эссе Филиппа Мэжа⁵. Пионером в изучении вопроса выступил Мишель Грюнвальд, статья которого «От Лютера к Гитлеру. Моррас и вечная Германия» (2009) впервые поставила проблему в современной французской историографии⁶. Итогом его работы стала вышедшая в сентябре 2019 г. книга «От “Франции прежде всего” к “одной только Франции”». “Action française” перед лицом национал-социализма и Третьего Рейха»⁷ (ее анализ дан в приложении к настоящей книге). Исследования пишущего эти строки — монография «Шарль Моррас и “Action française” против Германии: от кайзера до Гитлера», опубликованная в ноябре 2019 г., и та, которую вы держите в руках, — шли параллельно с работой Грюнвальда и независимо от него.

---

⁴ Entre la vieille Europe et la seule France: Charles Maurras, la politique extérieure et la défense nationale. Georges-Henri Soutou, Martin Motte (dir.). Paris, 2009; Charles Maurras et l'étranger. L'étranger et Charles Maurras. Olivier Dard, Michel Grunewald (dir.). Berne, 2009.

⁵ Philippe Mège. Charles Maurras et le germanisme. Paris, 2003.

⁶ Michel Grunewald. De Luther à Hitler. Maurras et l'Allemagne éternelle // Charles Maurras et l'étranger. L'étranger et Charles Maurras. P. 338–358.

⁷ Michel Grunewald. De la «France d'abord» à la «France seule». L'Action française face au national-socialisme et au Troisième Reich. Paris, 2019.

Российская историография в немалой степени продолжает следовать за советской с ее идеологическим детерминизмом и схематизмом, а в ней Морраса обвиняли во всех смертных грехах, к которым добавился антисемитизм (эту тему педалируют его оппоненты во Франции). Приведу лишь две цитаты — из тех, что приходилось принимать на веру за отсутствием других источников информации. Живший во Франции и находившийся в 1940–1941 гг. в оккупированном Париже русский врач и журналист А. Н. Рубакин упомянул Морраса в одном ряду с настоящими коллаборантами⁸, которые «своими продажными перьями служили гитлеровцам»⁹, — хотя не мог не знать правду. «Моррас был злейшим врагом рабочего класса Франции и ненавистником СССР. Он был куплен итальянцами, немцами и испанцами еще до капитуляции Франции, хотя на словах и выступал тогда против германофильской политики»¹⁰, — утверждал публицист М. М. Шейнман. Влияние на советских авторов и их читателей оказывала и тщательно подобранная переводная литература, почти исключительно коммунистической или голлистской (кроме первых послевоенных лет) ориентации, от которой не приходилось ждать объективности в отношении Морраса — действительно, злейшего врага этих сил¹¹. Поэтому особого

---

⁸ Для Франции 1940–1944 г. я использую термин «коллаборант», а не привычное определение «коллаборационист», которое применяют к большому количеству разнородных явлений в разных странах, всегда с негативной эмоциональной окраской.

⁹ Рубакин А. Н. В водовороте событий. Воспоминания о пребывании во Франции в 1939–1943 гг. М., 1960. С. 129.

¹⁰ Шейнман М. М. Ватикан во Второй мировой войне. М., 1951. С. 122.

¹¹ Типичный пример: Верт А. Франция. 1940–1955. М., 1959. Ч. 1. Гл. 4. Моррас, или “чистое” учение Виши. Неприязнь к Моррасу и в целом к движению «Action française», которое он называл «фашистским», отмечены и другие его книги: Alexander Werth: 1) France in Ferment. London, 1934; 2) The Destiny of France. London, 1937; 3) France and Munich. Before and After the Surrender. London, 1939; 4) The Twilight of France, 1933–1940. A Journalist’s Chronicle. London, 1942.

внимания заслуживают статьи А. М. Руткевича¹² и С. Л. Фокина¹³, стремящихся корректно излагать и объективно оценивать идеи Морраса, и А. Н. Бурлакова, способствующего правильно-му пониманию контекста эпохи¹⁴.

«Action française» и его лидеры — политический философ и писатель Шарль Моррас (1868–1952), прозаик и публицист Леон Доде (1867–1942), историк и политический аналитик Жак Бенвиль (1879–1936), журналист и редактор Морис Пюжо (1872–1955), а также идейно близкий к ним философ и критик Анри Массис (1886–1970) — с момента возникновения движения на рубеже XIX и XX веков показывали пример тотальной, бескомпромиссной и абсолютной герmanoфобии, не зависевшей от политического режима в стране, которую они искренне считали и открыто называли «наследственным врагом» Франции. «Ни единого раза Моррас и наши учителя, — вспоминал бывший активист «Action française», затем коллаборант Анри Шарбонно, — не допускали возможности союза или примирения с Германией, даже побежденной. Все подобные попытки высмеивались или объявлялись изменническими! Ни один немец не заслуживает доверия! А к тем, кто верил в “хорошую Германию” и проявлял некоторый пацифизм после чудовищного убийства многих миллионов человек (и с каким результатом?), относились как к идиотам и преступникам» (СМР, 80–81). «Хороших немцев» нет, есть только *боши* (оскорбительное название, распространенное в годы Первой мировой войны). Именно это ставили

---

¹² Руткевич А. М. Политическая доктрина Ш. Морраса // Моррас Ш. Будущее интеллигенции. М., 2003.

¹³ Фокин С. Л. Шарль Моррас и словесность «Французского действия» // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 270–295.

¹⁴ Применительно к теме данной монографии отмечу: Бурлаков А. Н.: 1) Падение Третьей Республики во Франции // Clío-Science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Вып. II. М., 2011. С. 190–221; 2) Франция в годы Второй мировой войны: перемирие 1940 года — капитуляция или спасение? // Война и революция: социальные процессы и катастрофы. [Электронное издание.] М., 2016. С. 255–264.

в вину Моррасу коллаборанты оккупированного Парижа, видевшие в нем злейшего врага.

Приход национал-социалистов к власти 30 января 1933 г. радикально изменил отношение к Германии за границей. Обещание «национального возрождения» вдохновило часть *фольксдойче*. Победа движения, претендовавшего на соединение национализма с социализмом, воодушевила тех, кто мечтал совместить их. Большинству же «фатальный 1933-й год», по словам Массиса, «явил Германию погрузившейся во мрак тоталитаризма и мечтающей утопить в нем остальной мир» (НМС, 28). Резко негативный имидж «германских фашистов», по терминологии Коминтерна, или «расистов», как их называли некоммунисты, распространился на страну и во многом на ее народ.

Смена режима в Берлине поразила политический мир Франции и потребовала ответа. Социалисты во главе с Леоном Блюмом, утверждавшим, что нацисты никогда не придут к власти и что германские «товарищи» этого не допустят, как говорится, сели в калошу. Наследники Аристиды Бриана, главного вдохновителя Локарнских соглашений 1925 г., видели, что их надежды на франко-германское сотрудничество как основу мира в Европе рассыпаются в прах. Коммунисты ужесточили антифашистскую риторику. И только монархисты из «Action française» ничему не удивились, ибо предсказывали такой исход событий и предупреждали о его последствиях, и своего отношения к Германии не изменили. Потому что стать хуже это отношение уже не могло.

«Невозможность глубокого изменения немецкого духа после смены режима» была аксиомой политической философии Морраса, как и то, что «за двадцать веков германские народы не изменились по сути»¹⁵. Ненавистный «германизм» Лютера и Фихте явился в новой, более агрессивной форме. Нацисты делали Германию сильнее — значит, опаснее. Войну с ней Моррас считал неизбежной и призывал соотечественников готовиться

---

¹⁵ Charles Maurras. Les chefs socialistes pendant la guerre. Paris, 1918. P. 89 (*L'AF*, 16 августа 1916), 209 (*L'AF*, 6 января 1917).

к ней. Вместе с тем «Action française» старалось максимально отсрочить войну, к которой Франция была не готова. Баланс сил стремительно менялся не в ее пользу, поскольку интенсивная ремилитаризация по ту сторону Рейна сочеталась с пацифистскими призывами и иллюзиями во Франции, влиявшими не только на умы граждан, но и на политику правительств.

Отношение «Action française» и лично Морраса к Третьему Рейху было сознательно фальсифицировано их противниками уже в годы войны. Тот факт, что некоторые бывшие последователи Морраса, участники движения и сотрудники ежедневной газеты «L'Action française»¹⁶ (в дальнейшем называем ее *L'AF*, чтобы не смешивать с движением¹⁷), например Робер Бразийяк и Люсьен Ребате, оказались в числе идейных коллаборантов, позволял утверждать, что это произошло под влиянием Морраса. Однако речь только о *бывших* моррасианцах — мэтр сразу отлучал от движения и публично проклинал любого, кто выступал за сотрудничество с немцами, как Бразийяк, если коллаборант сам первым не отрекался от движения и его вождя, как сделал Ребате. «Action française» с оговорками поддерживало режим Виши (его история требует объективного исследования, а не повторения пропагандистских штампов), но с парижскими коллаборантами точек соприкосновения у него не было. Поэтому послевоенное признание Морраса виновным в сотрудничестве с нацистскими оккупантами и в подрыве морального духа нации было не только политической расправой голлистов и коммунистов с духовным вождем своих врагов-националистов, но и попыткой его идейной и моральной дискредитации.

---

¹⁶ Издавалась с 21 марта 1908 г. по 24 августа 1944 г.; последний № 13000 был подготовлен, но не вышел. Анри Вожуа был указан политическим директором, Доде главным редактором; позднее Вожуа фигурировал как основатель (посмертно), Доде и Моррас как политические директора, Пюжо как главный редактор; после смерти Доде в 1942 г. он указывался вместе с Вожуа как основатель, Моррас и Пюжо как политические директора.

¹⁷ Таким же сокращением называли газету между собой активисты движения (СМР, 39).

Продолжая работу, начатую в предыдущей монографии (знакомство с ней необходимо для правильного понимания генезиса и эволюции «Action française», идей и деятельности его вождей), автор анализирует идейную и политическую борьбу «Action française» против германских национал-социалистов — в общем контексте антигерманской деятельности движения — с момента электоральных успехов НСДАП в 1930 г. до поражения Франции летом 1940 г., в результате которого открытое противостояние стало невозможным. Судьба «Action française» и лично Морраса в «темные годы» поражения и оккупации, затем во время послевоенной «чистки» заслуживает отдельного исследования.

Для создания более полной картины деятельности «Action française» в контексте идейной и политической жизни Франции 1930-х годов автор посвятил отдельную главу кризису 6 февраля 1934 г. и его последствиям, подробно рассмотрел позицию движения и его вождей в отношении европейских диктатур и Ватикана, франко-советского договора, итало-эфиопской войны, гражданской войны в Испании и поражения Франции в 1940 г., поскольку всё это вписывалось в логику противостояния с Германией. Учитывая исключительную личную роль вождя движения: «Моррас повсюду, Моррас вездесущ. <...> Моррас — это “Action française”, как Рено — это автомобиль»¹⁸, — автор особо остановился на ряде событий его жизни, включая тюремное заключение при правительстве Народного фронта, избрание во Французскую академию и несостоявшуюся миссию в Испанию в конце 1939 г.

Необходимы еще три замечания историографического характера.

Первое: огромный объем политико-публицистического наследия Морраса, Доде, Бенвиля, Пюжо и Массиса, даже с учетом его доступности, побудил автора отказаться от фронтального

---

¹⁸ Lucien Combelle. Pêché d'orgueil. <Paris>, 1978. P. 80, 82. Автор в первой половине 1930-х годов, о которой идет речь, был «королевским газетчиком» в Руане.

просмотра комплектов *L'AF* (1908–1944) и его «дочернего предприятия», журнала «*Revue universelle*» (1920–1944), что отсрочило бы завершение работы на неопределенный срок. Основное внимание уделено произведениям, которые они сами отобрали для отдельных изданий; прочие цитаты из их статей приводятся по источникам, указанным в тексте.

Второе: литература об «*Action française*» и его вождах долгое время оставалась либо агиографической, либо разоблачительной, причем вторая тенденция присутствовала и в академических работах. Литература первой категории более информативна, но обе неизмеримо уступают первоисточникам, на которых автор сконцентрировал внимание.

Третье: литература о них на других языках, по сравнению с франкоязычной (включая сюда некоторые важные переводы), настолько немногочисленна и бедна, что ее можно оставить без внимания.

Не имея целью охватить всё написанное Моррасом и его соратниками о Германии и, тем более, все отклики на это третьих лиц, включая позднейших интерпретаторов, автор сосредоточился на фактах и проблемах, которые посчитал наиболее важными, предоставив слово и критикам «*Action française*» из числа современников.

Ввиду обилия цитат автор для удобства чтения использовал систему сокращенных указаний на источники в основном тексте, а список сокращений, одновременно являющийся избранной библиографией, поместил в конец книги. Все переводы, за исключением особо оговоренных случаев, выполнены автором с языка оригинала.

Значительная часть упоминаемых в тексте персонажей мало известна российскому читателю, поэтому автор аннотировал именную указатель, собрав воедино необходимые сведения. Большинство французских политиков занималось адвокатской или журналистской деятельностью, поэтому определения «адвокат» и «журналист» приводятся только в тех случаях, когда это имело особое значение, как адвокатура для Поль-Бонкура или

Предисловие

журналистика для Клемансо. Определение «публицист» предполагает изложение оригинальных идей или их анализ, а не только отклик на текущие события. Определение «мемуарист» опущено, поскольку мемуары — разной степени ценности — оставила едва ли не половина упомянутых в книге деятелей.

Фрагменты монографии публиковались в виде статей в журналах «Вестник истории, литературы, искусства», «История. Ostkraft», «Историческая экспертиза», «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право», «Тетради по консерватизму», в альманахе «Библиофилы России», редакторам которых я благодарен. Для настоящего издания все ранее опубликованные тексты исправлены и дополнены.

Выражаю глубокую признательность А. Н. Бурлакову, принявшему на себя труд научного редактора и указавшему мне на ряд ценных источников. Ответственность за возможные упущения и ошибки лежит исключительно на авторе.

*Токио, 20 апреля 2020,
день рождения Шарля Морраса*

Глава первая
«Марсиане из романа Уэллса»:
«Action française» бьет тревогу, 1933–1934

*Гитлеровская Германия посылает
в мир людей, которые столь же чужды
нам, как землянам — марсиане из ро-
мана Уэллса.*

Жак Бенвиль

I.

Главный специалист «Action française» по международным проблемам Жак Бенвиль взял на себя смелость говорить от имени всей страны, когда 2 мая 1933 г. заявил: «Дистанция между Францией и Германией в 1933 г. намного больше, чем была в 1914 г. Безусловно, империя Вильгельма II меньше отличалась от Французской республики, чем гитлеровский Третий Рейх. Тогда у двух стран еще имелись общие формы цивилизации. Были вещи, к которым немцы относились (или казалось, что относятся) так же, как и французы, например, к собственности или свободе мнений. Между банкирами и социалистами Парижа и Берлина существовали каналы связи. Сегодня два мира закрыты друг для друга. Гитлеровская Германия посылает в мир людей, которые столь же чужды нам, как землянам — марсиане из романа Уэллса» (JBV, III, 207). «В девятнадцатом веке мы были не так далеки от Германии, как в двадцатом, а в восемнадцатом веке не так далеки от нее, как в девятнадцатом», — суммировал он два года спустя¹.

В связи с немцами Бенвиль вспомнил марсиан не впервые. 23 октября 1915 г. он писал: «Враг, который противостоит нашим солдатам, может быть говорящим двуногим, наделенным

---

¹ Jacques Bainville. Lectures. Paris, 1937. P. 317.

разумом и вооруженными достижениями науки, но при этом он столь же отличается от нас, как захватчики с Марса, о которых грезил Уэллс»². Теперь его взору предстали, так сказать, марсиане в квадрате.

Когда в кругах «Action française» впервые узнали о Гитлере? 11 июня 1922 г. премьер-министр³ Раймон Пуанкаре «в продолжение нашей недавней беседы» переслал «дорогому собрату» Моррасу три телеграммы из Мюнхена. Агент французской разведки сообщал о «публичном собрании, устроенном Гитлером, главой общества национальных социалистов, который является никем иным, как агентом Людендорфа» (ЛСМ, 530). Едва ли не первое упоминание будущего фюрера у Бенвиля относится к 2 февраля 1923 г.: автор отметил, что баварские власти «после объявления чрезвычайного положения терпят демонстрации Гитлера, но запрещают их социалистам» (ЖВА, II, 92). «Пивной путч» 8–9 ноября он считал инициативой Людендорфа как вождя «иррегулярных» националистов, а из его провала сделал вывод: «Германская армия — дисциплинированная сила, единственная сила и единственная дисциплина в Германии. <...> Нам следует обращать внимание на регулярную армию фон Секта, а не на Людендорфа»⁴. Против угрожающей ей анархии у Германии есть лишь один

---

² Цит. по: Dominique Decherf. Bainville. L'intelligence de l'histoire. Paris, 2000. P. 345.

³ Официально глава французского правительства называется «председатель Совета министров» (président du Conseil des ministres), сокращенно «председатель Совета» (président du Conseil), причем человек, занимавший эту должность хотя бы несколько дней имеет пожизненное право на использование при обращении к нему слова «председатель» (président). В настоящей работе я использую термины «премьер-министр» и «премьер» как синонимы «председателя Совета министров». Использование обращения «господин председатель» (monsieur le Président) к председателям любого ранга было расхожей темой для шуток. «Этот титул носит половина французов», — заметил Рене Бенжамен: René Benjamin. Chronique d'un temps troublé. Paris, 1938. P. 101.

⁴ Во время «Пивного путча» главнокомандующий рейхсвера Й. фон Сект приказал войскам подавить мятеж.

бастион — рейхсвер. Чтобы спасти Рейх от распада, берлинское правительство может рассчитывать только на армию» (JBA, II, 104–105). Моррас обратил внимание на Гитлера 6 апреля 1924 г. в связи с судебным процессом над ним, назвав «философию крови и почвы» «абракадаброй» (MGA, 97).

В следующий раз фамилия Гитлера замелькала на страницах *L'AF* весной 1930 г. 30 апреля — 3 мая газета поместила анонимный репортаж (предполагалось, что автор — немец; личность его не установлена) «Под свастикой. Германская национал-социалистическая партия» в трех частях. «Мы были единственной газетой, которая предупреждала читателей, что будущее Германии — за Гитлером и гитлеризмом», — напомнил Моррас в 1941 г., осторожно подбирая слова (CRS, 214). «Привыкшая тридцать лет (так! — *В.М.*) пристально следить за силами Германии, *L'AF* с первых дней распознала в будущем канцлере символ возрождающейся германской воли», — писал Люсьен Ребате, уже порвав с Моррасом и встав на сторону Гитлера (RMF, I, 22).

«Какова программа этого агитатора?» — задался вопросом Бенвиль 26 июня 1930 г. в связи с предстоящими выборами в Рейхстаг. И сам ответил: «Со своей воинственной демагогией он играет на всех столах» (JBJ, III, 97–98). «Увидим, прорастет ли зерно и сколько времени ему на это понадобится», — добавил он 6 августа (JBA, II, 160). Ни социалистическая, ни буржуазная пресса Франции не интересовалась партией, получившей на предыдущих выборах всего 2,8% голосов и имевшей в Рейхстаге 12 депутатов. 14 сентября 1930 г. НСДАП получила 18,3% голосов и 107 мандатов. Несмотря на запрет, депутаты явились на заседание в партийной форме. Назвавший выборы «черным воскресеньем», Бенвиль подчеркнул: «Важны не Гитлер и 107 его депутатов. Важна легкость, с которой немцы пошли за теми, кто проповедует насилие» (JBA, II, 161–162). «Шесть миллионов немцев хотят немедленной войны», — оценил Доде 25 сентября 1930 г. электорат Гитлера (MGA, 117). Позже *L'AF* регулярно сообщала результаты партии «апостола войны» на выборах в местные парламенты, которые не могли не настораживать: 43 мандата

против прежних 3 в Гамбурге, 27 против 3 в Гессене и т. д. (AAF-1933, 74, 78).

Успехи нацистов монархисты объясняли политикой ненавистного им Аристиди Бриана: в 1931 г. он лидировал в конкурсе «самых вредных для Франции сенаторов и депутатов», который проводил среди своих читателей «Альманах Action française» (AAF-1932, 505–506). «Выборы в Германии были отмечены оглушительным успехом национал-социалистов, сторонников Гитлера. Этот успех удивил и заставил задуматься французов, которые до того могли наивно полагать, что Бриан является, как он сам заявлял, “человеком мира”», — напомнила хроника в том же альманахе, предваряя рассказ о том, как один из «королевских газетчиков» 2 октября 1930 г. на Лионском вокзале пробрался в толпу встречавших Бриана из Женевы и прокричал ему в лицо: «Негодяй, ты везешь нам войну» (AAF-1932, 360–361). «Люди короля» славились подобными выходками: еще 20 ноября 1910 г. их вожак Люсьен Лакур напал на Бриана, тогда премьера, во время официальной церемонии, намереваясь дать ему пощечину, но успел только сбить цилиндр с его головы.

«Все уступки, которые Франция сделала Германии в надежде на поддержку и развитие там демократического движения, оказались чистым убытком. Баланс отрицателен и ужасен», — подытожил Бенвиль 7 марта 1933 г., добавив: «Вся эта политика основывалась на полном непонимании германского народа» (JBJ, III, 202). После принятия Берлином в 1929 г. репарационного «плана Юнга» французское правительство решило досрочно завершить оккупацию левого берега Рейна. По приказу премьера — по капризу Истории им оказался версальский «миротворец» Андре Тардьё — войска 30 июня 1930 г. оставили Майнц. «Эвакуация Рейнской области лишила нас гласиса, охраняющего наши границы»⁵, — констатировал близкий к «Action française» сенатор Анри Лемери, позже прозванный «маньяком

---

⁵ Henry Lémery. D'une République à l'autre. Souvenirs de la mêlée politique 1894–1944. Paris, 1964. P. 214.

антигитлеризма»⁶. «Германия вернула свободу маневра и снова стала хозяйкой своей политики, — сокрушался Бенвиль. — <...> И никакой благодарности за то, что мы вывели войска на пять лет раньше условленного» (JVJ, III, 98–100). «У победы союзников оставалось одно вещественное, видимое и осязаемое доказательство — оккупация левого берега Рейна, — напомнил он два года спустя. — <...> Оставление победителями “центра силы Европы” неизбежно приведет к неисчислимым последствиям» (JVJ, III, 180–181). «Гитлеровский национализм пророс на следах последнего французского солдата, покинувшего Майнц, — суммировал он же 1 февраля 1933 г. — Теперь ему оставалось лишь зреть и наливаться соком. Каждая наша уступка поощряла его» (JVJ, III, 195).

«Никогда еще *интернационализм, пан-европейский дух, братство народов* не знали такой популярности во Франции и в мире, — саркастически писал хроникер «Альманаха Action française», подводя итоги 1931 г. — Газеты и журналы заявляли, что мы достигли земли обетованной. Ненависть и война поставлены вне закона. В действительности никогда еще худшие угрозы худших катастроф не росли на наших глазах с такой быстротой» (AAF-1932, 359). Мало кто во Франции внял предостережению, особенно социалисты. После 1914 г. веры в международную солидарность у них поубавилось, но они оставались убеждены, что большинство социал-демократов и Партии центра в Рейхстаге не оставляет шансов нацистам и другим «правым». Того же мнения придерживались их германские товарищи. «Гитлер — истерик и психопат, который не способен на последовательные действия и никогда не придет к власти», — уверенно говорил социалист Отто Браун, с 1920 г. бессменный премьер Пруссии. Но Бенвиля, у которого любой парламентский режим вызывал скептицизм, не зря называли «Кассандрой». «Единственными линиями обороны нормальной власти (в Германии — *В.М.*)

---

⁶ Robert Aron [et Georgette Elgey]. Histoire de Vichy. 1940–1944. Paris, 1954. P. 31.

остаются моральный авторитет маршала Гинденбурга, политическая ловкость канцлера Брюнинга и преданность прусской полиции», — констатировал он 10 февраля 1931 г. (ЖВА, II, 166). Электоральные успехи нацистов в Германии и коммунистов во Франции служили ему дополнительным аргументом против республики и всеобщего избирательного права: «Это же свободная демократия, которая вправе сама всё решать. Вот люди и голосуют снова и снова» (ЖВJ, III, 117). Бенвиль вряд ли читал политические обозрения Достоевского, но согласился бы с его мнением о «всеобщей подаче голосов, столь дорогой французам»: «Более нелепого изобретения, конечно, никто не может указать даже из всех нелепостей, бывших в нашем веке во Франции»⁷. Век переменялся, система оставалась прежней.

О возможном триумфе нацистов и его опасности для Франции регулярно предупреждал еженедельная газета «Je suis partout» — «духовное чадо *L'AF*», по словам одного из ее ведущих сотрудников Робера Бразийяка (RBC, X, 515) — которая в начале 1932 г. посвятила «Гитлеру и Германии» тематический номер. У большинства авторов нацисты не вызывали *особой* неприязни — их ненавидели точно так же, как всех «бошей», — хотя нейтральный тон некоторых статей возбудил подозрение у бдительного Леона Доде⁸. Бразийяк позже назвал «приход 107 гитлеровских депутатов в Рейхстаг» «одним из первых тревожных сигналов судьбы, который мы ясно услышали и всю важность которого поняли». «Мы не игнорировали его, — подчеркнул он. — Мы были не из тех, кто верил, что он никогда не придет к власти» (RBC, VI, 74, 135). Эти строки из книги «Наше предвоенное», выпущенной в 1941 г. в оккупированном Париже, были изъяты из первого издания в угоду немецкой цензуре и увидели свет лишь через двадцать два года.

---

⁷ Иностранцы события / Гражданин. 1873. № 38. 17.09 // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. Т. 13. Статьи за 1845–1878 годы. М.-Л., 1930. С. 369.

⁸ Pierre-Marie Dioudonnat. «Je suis partout», 1930–1944. Les maurrasians devant la tentation fasciste. Paris, 1973. P. 45–48, 73–77.

На президентских выборах в Германии 13 марта 1932 г. Гитлер занял второе место после действующего президента Гинденбурга, получив 30,1 % голосов (11,3 млн.) против 49,5 % (18,6 млн.) при явке 86,2 % от общего числа избирателей. Гинденбург не смог получить поддержку абсолютного большинства, поэтому второй тур был назначен на 10 апреля. «Избрание Гинденбурга было очевидным, поэтому всех интересовало лишь то, потеряет Гитлер голоса или приобретет новые» (НМГ, 186). Гитлер получил почти 13,5 млн. (36,8%), на 2 млн. больше, чем в первом туре, и всего на 6 млн. меньше, чем Гинденбург (53,1%). Это была хоть и не победа, но несомненный успех — во всяком случае так его восприняли и сам Гитлер, и *L'AF*. Сатирический журнал «Charivari» изобразил Михеля (символ Германии), который собирается отрубить голову Версальскому договору и выбирает топор — то ли с головой Гинденбурга, то ли с головой Гитлера. «Альманах Action française» перепечатал карикатуру (AAF-1933, 87).

II.

С рассказа о втором туре президентских выборов начал репортажи из Германии Анри Массис, которого газета «Le Figaro» отправила туда с целью «выяснить настроения современной молодежи». Итогом стали шесть статей (НМГ, 185–206), написанных на основе дневника; позже автор опубликовал фрагменты из него, в основном не использованные в газете (НМЛ, 116–147).

Путешествие началось в Кёльне, где Массис встретился с Бенедиктом Шмиттманом, католиком, федералистом, союзником обер-бургомистра Конрада Аденауэра и врагом нацистов. С тревогой отметив рост их популярности на Рейне, собеседник заявил, что «за Гитлером стоят все агрессивные силы протестантизма (Доде называл нацистское движение «второй Реформацией» — *В.М.*), германизма и пруссачества», и рассказал о попытках создать федералистское движение для противостояния им. После прихода Гитлера к власти Шмиттман был

арестован и погиб в концлагере (HML, 117–124). Моррас сотоварищи пристально следили за отношением германских католиков к нацистскому движению, отмечая нежелание иерархов открыто осуждать его, поскольку с таким осуждением не выступал Пий XI — «самый немецкий папа»⁹, осудивший «Action française», — и «несомненную опасность», которую нацизм представляет для молодежи, предпочитающей «гитлеровские барабаны» церковным проповедям (AAF-1933, 162–166). Пагубное идейное и нравственное воздействие на немецкую молодежь стало одной из постоянных тем выступлений «Action française» против Третьего Рейха. «Нацизм хочет быть государственной религией, а эта религия отрицает будущую жизнь и возлагает все надежды и упования на жизнь нынешнюю. Он намерен воплотить “земную божественность человека”. Что будет с душой ребенка или молодого человека в столь ужасных условиях умственной и общественной жизни?» (AAF-1935, 151).

В столице Рейха, еще не провозглашенного Третьим, Массис первым делом направился за информацией к своему другу Андре Франсуа-Понсэ, недавно назначенному послом. Он подробно записал услышанное, но не мог публично ссылаться на посла, говорившего неприятные для страны аккредитации вещи. Перед Первой мировой войной Франсуа-Понсэ предпринял исследование настроений немецкой молодежи — аналогичное тому, что осуществили тогда же во Франции Массис и Альфред де Тард под общим псевдонимом «Агатон»¹⁰. Молодые люди в обеих странах были настроены одинаково, но эмоциональная окраска выводов у авторов, конечно, получилась разной. Теперь Франсуа-Понсэ усматривал главную опасность в том, что «поражение и ужасный опыт 1914–1918 гг. ничему не научили здешний

---

⁹ Моррас, Доде и другие авторы *L'AF* неоднократно цитировали статью «Kölnische Zeitung» (31 мая 1927): «После Адриана VI Пий XI по своим действиям и характеру несомненно является самым немецким из пап, занимавших престол святого Петра» (AAF-1933, 165–166).

¹⁰ Подробнее: Молодяков В. Шарль Моррас и “Action française” против Германии: от кайзера до Гитлера. М., 2020. Гл. 4.

народ», у которого — любимая тема Бенвиля и Массиса — «понятия договора, представления о праве и справедливости не совпадают с нашими: для них справедливо то, что позволяет им жить» (HML, 131–135).

Моррас, Доде, Бенвиль принципиально отвергали диалог с Германией, а «любые попытки сближения, интеллектуального и прочего» с ее стороны трактовали как «безмерный обман, скрывающий военную угрозу»¹¹. В 1929 г. Рене Бенжамен заявил: «Я не могу разговаривать с немцем: мне нечего ему сказать. У нас просто нет общих тем для разговора. <...> Меня поражает, что немец моего возраста (т. е. поколения участников войны — В. М.) вообще осмеливается заговаривать со мной»¹². «Разговаривать с немцами... это возможно только в воображении! — повторил он девять лет спустя устами рассказчика в романе «Хроника смутного времени», в одной из глав которого дана саркастическая зарисовка Третьего Рейха. — У нас нет ни идей, ни чувств, которыми мы могли бы обмениваться». «Уверен, — добавил он, — что каждая истинно французская душа чувствует то же, что и я»¹³.

Массис допускал возможность диалога, но видел его неравноправным. Германия должна признать свою ответственность за войну, смириться с поражением и отказаться от мечты о реванше — право на который для Франции ранее десятилетиями отстаивали Баррес и Моррас. Их ученик игнорировал то, что Версальский «мир» для немцев столь же неприемлем, как для французов — Франкфуртский «мир», а оба победителя хотели видеть свой триумф вечным.

Гораздо откровеннее высказался Тьерри Монье, ученик Морраса, которого многие молодые моррасианцы считали возможным преемником мэтра в качестве идеолога¹⁴. В предисловии к французскому переводу «евангелия» германской

---

¹¹ Léon Daudet. *Écrivains et artistes*. Т. 6. Paris, 1929. P. 176–177.

¹² René Benjamin. *Les augures de Genève*. Paris, 1929. P. 77.

¹³ Benjamin R. *Chronique d'un temps troublé*. P. 154.

¹⁴ Pierre Monnier. *À l'ombre des grandes têtes molles*. Paris, 1987. P. 205.

консервативной революции — «Третьего Рейха (Царства)» Артура Мёллера ван ден Брука — он писал: «Мы, французские националисты, не пытаемся объяснять молодым немецким националистам, ученикам Мёллера ван ден Брука вчера и победоносным соратникам Гитлера сегодня, что Версальский договор свят и что они должны его соблюдать. Мы можем отстоять его, поскольку это нам полезно, однако не верим в согласие немцев на него, поскольку он ставит их в невыгодное и униженное положение. Мы не пытаемся оправдывать Францию, как те третьесортные адвокаты, что правили нами после войны. Не пытаемся представить ее идеальной, возвышенной страной, лишенной appetitов, амбиций и жизненных сил, которые одушевляют другие народы, неуязвимой с моральной точки зрения, отличающейся от прочих своей нерушимой невинностью. Франция — страна реальности. Ее права на жизнь по существу такие же, как и у других, но не менее, а может, и более значимые в той мере, в какой мы обладаем традицией цивилизации и способны на особую цивилизаторскую миссию. Но эти права не существуют без нашей воли и способности их защитить. Если мы откажемся защищать их, будет естественно, что у нас их отнимут»¹⁵.

Отдав должное умению канцлера Брюнинга решать финансовые проблемы за счет победителей и одновременно вносить раскол в их ряды, Франсуа-Понсэ отметил, что не кризис вызвал к жизни нацистское движение. «Гитлера поддерживает германское правительство и даже сам Гинденбург. Они счастливы, что он собрал, построил, мобилизовал молодежь, что он воспитал у нее военную дисциплину, которую ей нельзя дать официально, и создал иерархическую организацию с помощью формы, знаков различия, кокард, знамен. Они очень благожелательно смотрят на человека, давшего Германии армию, которую она не может иметь, и привившего молодежи национальную идею» (HML, 132–133).

---

¹⁵ Цит. по: Anthologie de la nouvelle Europe. Présentée par Alfred Fabre-Luce. Paris, 1942. P. 238.

Важнейшим из предстоящих событий посол назвал выборы в прусский Ландтаг 24 апреля 1932 г. и оказался прав: на них из 422 мест нацисты получили 162 против ранее имевшихся у них 6. Коалиция социал-демократов и центристов лишилась большинства, и премьеру Брауну пришлось подать в отставку. *L'AF* возвестила, что «эра диктатуры приближается» (AAF-1933, 89).

Что было причиной этих успехов? Во-первых, согласно Массису, нацизм силен действием, а не доктриной, и это привлекает «завтрашнюю Германию». Ту самую радикальную молодежь, которая, как писал указавший на рост ее влияния публицист Фридрих Зибург, «с такой страстью трудится над созданием нации и сознательно порвала все моральные связи с окружающим миром в большей степени, чем любая другая социальная группа»¹⁶. «Рассудок кажется им угрозой для формирования характера, — отметил Массис. — Они жаждут действия, причем действия физического. Жить коллективной, направляемой, дисциплинированной жизнью, не думать, подчиняться, следовать за Вождем — гитлеровское движение в наибольшей степени соответствует этим коренным инстинктам германской природы» (НМГ, 198).

Вспомнил ли «Агатон» французскую «сегодняшнюю молодежь» начала 1910-х из собственной книги? Напомню ее портрет. Душевное и физическое здоровье, реализм и прагматизм, четкое понимание целей, тяга к знаниям в сочетании с недовольством «иссушающей эрудицией» и анти-интеллектуализмом как отрицанием «самокопания», уверенность в себе и своих силах, мужественное, волевое отношение к трудностям, политический и социальный активизм (вплоть до пристрастия к командным видам спорта), отрицание искусства для искусства и декадентского культа греха ради возврата к «классическим вкусам», патриотизм и национализм, католицизм (популярный в самых интеллектуальных лицах: вера не противопоставляется знанию), стремление к моральной жизни, ранние браки как признак раннего духовного и социального взросления и осознания своей

---

¹⁶ F. Sieburg. *Défense du nationalisme allemand*. Paris, 1933. P. 98.

ответственности, понимание не только необходимости, но «че-сти служить», культ героев, рост реваншистских и антигерманских настроений после «беспримерных унижений» в Танжере (1905) и Агадире (1911), падение популярности идей социализма, интернационализма, пацифизма, материализма и атеизма, «моральной, интеллектуальной и политической анархии». Так там «наши», а тут «боши»...

Во-вторых, нацизм выставляет себя «единственным наследником подлинного прусского духа и единственным борцом за него» и потому является «самым ярким проявлением возрождения германской гордости» (НМГ, 190, 193). Вспомнил ли «Агатон», что французскую «сегодняшнюю молодежь» называли «поколением возрожденной гордости»? «Часто спрашивают, как спасется Франция, — писал в то время пламенный националист и истовый католик Шарль Пеге. — Это не сложно. Всего два или три таких поколения, — и Франция будет спасена»¹⁷. «Вся французская молодежь в прекрасном патриотическом порыве с подлинной и сильной радостью восприняла возвращение к трехгодичной военной службе. Она готова к этому самопожертвованию ради блага и величия своей родины», — восторгался Массис в 1913 г. после принятия закона о трехлетнем, вместо двухлетнего, сроке воинской повинности¹⁸. Опять «наши» и «боши»...

III.

Успехи нацистов на выборах в прусский Ландтаг, затем 31 июля на выборах в Рейхстаг (230 мандатов против прежних 107) усилили разногласия между Гинденбургом и Брюнингом, которому пришлось уйти. Во главе правительства президент

---

¹⁷ Цит. по: Henri Massis. L'honneur de servir. Textes réunis pour contribuer à l'histoire d'une génération (1912–1937). Paris, 1937. P. 4.

¹⁸ Henri Massis. Avant-Postes. (Chronique d'un redressement). 1910–1914 / Les cahiers d'Occident. 2e série. № 4. Paris, 1928. P. 105.

поставил «правого» центриста Франца фон Папена, который не располагал поддержкой парламентского большинства — против него выступала НСДАП, имевшая самую большую фракцию и добившаяся избрания Германа Геринга председателем Рейхстага, — и правил с помощью президентских декретов. «Германия снова обрела авторитарное правление. Как знать, может, именно этого ей не хватало», — заметил Бенвиль (JBV, III, 178). «Они еще начнут жалеть о Гогенцоллернах и даже нуждаться в них», — добавил он через месяц после установления нацистского режима (JBA, II, 185).

Неудача нацистов на внеочередных выборах в Рейхстаг в ноябре 1932 г. (потеря 34 мест) побудила лидера французских социалистов Леона Блюма заявить: «Отныне Гитлер лишился власти. Я бы даже сказал, что он лишился надежды на власть» (BRB, 96). Замена Папена на посту канцлера военным министром и «политическим генералом» Куртом фон Шлейхером в декабре 1932 г., а Шлейхера — Гитлером 30 января 1933 г. могла удивить в Париже кого угодно, только не авторов и читателей *L'AF*. «Три недели назад в канцлерство Гитлера отказывались верить, — заметил Бенвиль 2 февраля. — А сколько нас в 1919 г. верило в президентство Гинденбурга?» (JBA, II, 181) — добавил он, отсылая к знаменитой фразе Морраса из передовицы от 25 ноября 1918 г.: «Вы лучше поймете и узнаете Германскую республику, когда она выберет президентом Гинденбурга» (VCM, 296). «Это событие не удивило меня, — вспоминал герой романа Бразийяка «Семь цветов» (1939), в котором угадываются черты автора. — Зигфрид (немецкий друг героя — *В.М.*) предсказывал мне его, да и, по правде говоря, после войны многие французы моего возраста (и автор, и его герой родились в 1909 г. — *В.М.*) ждали этого. Нас много обманывали, но некоторые всё ясно видели с самого начала» (BRC, II, 417).

«1933-й год, несомненно, станет одной из тех дат, которые заучивают школьники, — констатировала политическая хроника “Альманаха Action française”. — Из политической истории этого года учитель сможет извлечь много уроков. Новых

уроков — если у него есть хоть немного совести и ума — об отношениях двух соседних народов, веками борющихся друг с другом, о неразумной ярости немцев, о плодах прискорбной французской политики. Возможно, ему придется показать в этом 1933-м году начало жестокой войны, а возможно, и первые симптомы освободительной революции во Франции» (AAF-1934, 127). Уже 31 января Моррас предупредил, что новые хозяева Германии намерены вернуть «всё, что когда-то было германским», а на границы и договоры им наплевать. Если, как напомнил Бенвиль, Папен добился решения проблемы долгов в пользу Германии, Шлейхер — равноправия в вопросе вооружений, то Гитлер может добиться пересмотра «мирных» договоров, благо он давно призывал «разбить цепи Версаля». Лемери назвал «чудовищной ошибкой» само допущение Германии на конференцию по разоружению в качестве равноправного участника, ибо ее вооружение должно контролироваться Версальским договором (HLP, 105). Однако эти слова он произнес год спустя, когда Третий Рейх покинул и эту конференцию. Напомню, что Моррас считал принципиальной ошибкой «союзников» (уточним, *бывших* «союзников») даже само допущение Германии в Лигу Наций наравне с другими странами.

«Остается узнать, что будет делать Гитлер и как долго он продержится» (JBV, III, 196). «Принимавший свои желания за реальность», Блюм сравнил его с напугавшим Третью Республику в конце 1880-х годов генералом Жоржем Буланже, уверяя, что «гитлеровская лихорадка пройдет так же быстро, как буланжистская» (WAF, 315). Бенвиль не был столь оптимистичен, хотя признавал за фюрером единственный талант — агитатора: «Гитлер знает лишь одно, зато знает отлично: толпа руководствуется чувствами, а не разумом» (JBV, III, 196). Его младший друг Бразийяк, отбывая воинскую повинность, с тревогой слушал по радио, как фюрер «орет почти каждый вечер, и все германские станции транслируют это» (BRB, 95). «Казалось, невозможно кричать громче, но ему каждый раз удавалось кричать громче», — писал он позже (RBC, VI, 135).

Гитлер не только «продержался», но укрепил свою власть с помощью чрезвычайных законов и выборов 5 марта 1933 г., в результате которых, по словам Бенвиля, «германская демократия была убита большинством голосов по воле германского народа» (ЖВА, II, 186). Превращение авторитарного режима в тоталитарный, «переход от политического единства к единству моральному» (ЖВА, II, 191) оправдывали худшие предсказания «Кассандры».

«Толпе надо предложить идеал. Гитлер предложил германскому народу такой идеал» (ЖВJ, III, 196). Тот самый идеал, на отсутствие которого в Веймарской республике сетовал Зиббург, «всегда пользовавшийся доверием [французских] интеллектуальных кругов», как напомнил Бразийяк (RBC, VI, 607): «Правящий класс <...> не способен создать идеал жизни и нравов, сформировать немецкий тип и стиль. <...> Каждый немец, ищущий смысл жизни, находит лишь парализующее чувство брошенности, замешательства, бесполезности и тоски. Никто в Германии больше не чувствует себя нужным на том месте, которое занимает; никто не ощущает себя полезной и, тем более, необходимой частью организма; никто не ждет справедливой, да и вообще какой-либо оценки своего труда; никто не тешит себя иллюзией, что следует по предначертанному пути, уверенно ориентируясь по звезде. <...> Немец пропадет, если не увидит спасительной звезды»¹⁹. В качестве спасительной звезды немцам предложили свастику. «Гитлер дал своей стране не победное мышление, но душу. Он возродил в ней чувство достоинства, память о котором она, возможно, утратила в ужасе поражения», — по-своему развил эту мысль внимательный наблюдатель Жорж Сюарес²⁰.

В новом «идеале» Рейха французских националистов, воспринявших его всерьез, особенно пугала идея реванша. Пугала даже больше, чем окончательная централизация и унификация

---

¹⁹ Sieburg F. Défense du nationalisme allemand. P. 148, 161, 209.

²⁰ Georges Suarez. Les hommes malades de la paix. Paris, 1933. P. 372.

Научное издание

Василий Элинархович Молодяков

**ШАРЛЬ МОРРАС И «ACTION FRANÇAISE»
ПРОТИВ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**

Корректор *В.Т. Мусбахова*

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 12.11.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 21,25. Тираж 500 экз. Заказ № 2252

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

«Action française» в лицах

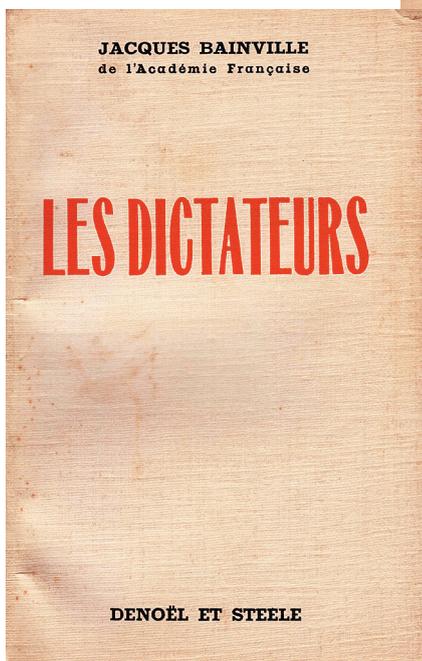
Шарль Моррас.
Фотооткрытка (1927)
с инскриптом

Леон Додде. Фотооткрытка

«Два топора»: Гинденбург и Гитлер. Карикатура Божисласа
(Almanach de l'AF. 1933)

à Paul Mathiez
bien cordialement
Jacques Bainville

LES DICTATEURS

Книга Жака Бенвиля
«Диктаторы» (1935)
с ишкриптом Полю Матьёксу

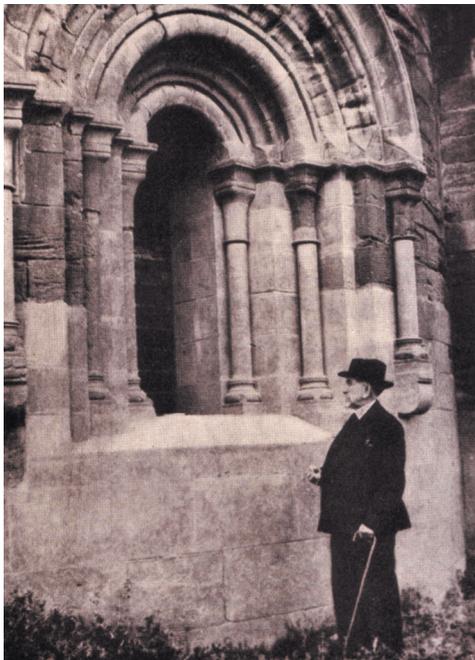

Против анархии и Гитлера

*Испанские официальные лица
встречают Морраса в Ируне.
3 мая 1938*

*Моррас и министр внутренних дел Испании Рамон Серрано Сушьер
(в центре) в резиденции Франсиско Франко; за ними Максим Реаль дель
Сарте. 4 мая 1938 (Maurras Ch. Vers l'Espagne de Franco. Paris, 1943)*

*Моррас в монастыре
Сигена, пострадавшем
от республиканцев.
5 мая 1938*

*Моррас и генерал Хосе Москардо в Балагере. 5 мая 1938
(Maurras Ch. Vers l'Espagne de Franco. Paris, 1943)*

МОЛОДЯКОВ
Василий Элинархович
/р. 1968/

Историк, политолог, коллекционер. Кандидат исторических наук (МГУ), доктор философии (Токийский университет), доктор политических наук (МГУ). Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор университета Такусёку (Токио). Автор 40 книг. Специалист в области геополитики, международных отношений, политической и интеллектуальной истории России, Японии и Франции конца XIX – первой половины XX века. Библиофил, собиратель исторических документов.

ISBN 978-5-4469-1781-5

9 785446 917815

О книге Василия Молодякова «Шарль Моррас и “Action française” против Германии: от кайзера до Гитлера» (2020):

Автор показывает Ш. Морраса как многомерную личность: это выдающийся французский писатель, политический мыслитель, интеллектуал, идеолог, патриот своей страны. Автор категорически против того, чтобы называть его фашистом, нацистом, расистом, и даже антисемитом в современном значении этого слова.

Сергей Виватенко, Алла Веремчук

Монография перерастает узкоспециализированные рамки и рассказывает достаточно полную историю авангардного отряда французского национализма до начала 1930-х годов... Благодаря работам Морраса монархизм стал восприниматься во Франции начала прошлого столетия не как удел безумных маргиналов, а как точка зрения, достойная дискуссии. «До него быть монархистом означало быть дураком. После него быть монархистом означало один из способов быть умным», — констатировал современник.

Сергей Сергеев

Молодяков-историк работает с бумажными оригиналами первых изданий или прижизненных переизданий изучаемых авторов из собственной библиотеки, которая одновременно является рабочей и библиофильской. Молодяков-библиофил не просто собирает оригинальные издания – он подбирает экземпляры с инскриптами авторов. Гармоничное сочетание текста и иллюстраций создает особый эффект подлинности, достоверности изложения. Этому, конечно, особенно способствуют портреты действующих лиц – эффект присутствия.

Моргана Девлин